

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ КАРЛА ЯСПЕРСА

В статье рассматриваются вопросы выявления понятий «экзистенция», «трансценденция», «шифры трансценденции», опосредующих освоение человеком духовных смыслов культуры. Внимание концентрируется на раскрытии экзистенции как «духовной целостности личности», которая «требует», чтобы человек стал «целостным индивидом», трансценденции как «духовного истока человечества», единения всех людей с духовно-нравственным бытием, и «шифров трансценденции» как попытки объединить всемирную культуру и историю в единый непрерывный процесс, в котором человек начинает ощущать самого себя, соотнося свое бытие (экзистенцию) с трансценденцией.

Философско-историческая и мировоззренческая проблематика философии К. Ясперса отразила кризисную ситуацию европейской культуры и духовности в период утверждения фашистского режима. О кризисе духовности не перестают писать все ученые и философы и сегодня. Как преодолеть катаклизмы, которые настигли цивилизацию XX века, какие духовные ориентиры остаются у человека, как обрести новые ценности – вот главные вопросы философских трудов К. Ясперса. В центр его философии встали человек и экзистенция как изначальное измерение его бытия, философия как способ размышления, «философская вера» как способ постижения человеком собственной индивидуальности и неповторимости, раскрывающей экзистенциальный и трансцендентальный уровни осмысления человека, особенности соотношения экзистенции как «самобытия» человека и трансценденции как феномена духовной культуры человечества.

Главной задачей К. Ясперса становится рассмотрение человека и мира как целостности. Источником, наполняющим эту связь «полнокровной» духовностью, выступает трансценденция как совокупность духовных смыслов бытия, ценностей, которые человек, воспринимая как достижения социально-исторического развития, переносит в индивидуально-личностный план и делает содержанием своей неповторимой экзистенции; причем неповторимой в том смысле, что каждый человек индивидуально решает для себя, какие духовные смыслы и ценности он принимает, а какие отвергает, формируя тем самым свою индивидуальную систему нравственности¹. Экзистенция, рассматриваемая как момент проявления трансценденции, становится «предельно этически нагруженной», она есть «духовное основоположение» человека, который осознает себя и собственные возможности, свою ответственность за выбор «ду-

хотворенного бытия»². Трансценденция, согласно К. Ясперсу, являет собой конечный предел бытия и мышления, который лежит за краем человеческого существования, придает ему смысл и ценность. Трансценденция становится ориентиром поведения человека в мире с целью приближения его к состоянию «экзистенциального бытия», то есть к осуществлению объединения в особый вид целостности мира, человека и духовно осмысленного им бытия. К. Ясперс определяет трансценденцию как «духовную целостность» человека, источником которой является трансцендентальная реальность. Однако «трансценденция» призвана уточнить и определить понятие «человека» как «целостного индивида». Человек – это «...существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть... которое не может быть познано просто как бытие»³, но существо, которое «постигает себя как экзистенцию в постоянном соотношении с трансценденцией»⁴.

К. Ясперс указывает на то, что смысл «трансценденции», ее призвание не только в том, чтобы сформировать «целостного индивида», но и стать той реальностью, которая явилась бы истоком всего человечества. «Трансценденция» становится тем, что должно «объединить человечество, став основой того, что касается всех людей»⁵. Мыслитель явно стремится раскрыть единство человека не только с миром, но и со всем обществом, то есть с другими людьми, «ибо в решениях, поступках, действиях, хотя они совершаются различными людьми, не так-то много различий»⁶.

Таким образом, трансценденция определяется как реальность, содержащая все духовные смыслы человеческого бытия, и только она способна взять на себя обязанность объединить людей на уровне интересов, причем духовных интересов, благодаря общим истокам духовных смыслов, которые каждый человек восприни-

мает, когда постигает себя экзистенциально. И тогда «экзистенция» как способ постижения человека, согласно К. Ясперсу, предстает не границей жизненных устремлений последнего, как это представлялось ранее, ценностного отношения к миру: «экзистенция – это реальность, ограничивающая бытие человека символами ценностного осознания им себя»⁷. В отличие от экзистенции «трансценденция – это что-то, лежащее за пределами мира и человеческого существования, но придающее им ценность и смысл»⁸. Однако определяющим в соотношении экзистенции и трансценденции является способ, каким трансценденция, с точки зрения К. Ясперса, придает смысл человеческому существованию, его экзистенциальному бытию. «Человек действительно знает себя как человека только тогда, когда, будучи открыт для бытия в целом, живет внутри мира в присутствии трансценденции. Принимая свое наличное бытие, он все же настойчиво стремится к бытию. Ибо он не может понять себя в мире просто как результат мирового процесса. Поэтому он претупает пределы... мира, достигая его основ, стремясь туда, где он становится уверенным в своих истоках, как бы соучаствуя в творении»⁹. Определение способа, каким трансценденция придает смысл человеческому существованию, его «экзистенции», на самом деле важно еще и потому, что «трансценденция» находится «за пределами сознания и наполняет человеческое существование ценностным смыслом»¹⁰. Главное слово здесь – «наполняет». Наполненность человеческого существования ценностным смыслом позволяет преодолевать пустоту и бессмысленность его экзистенциального бытия, поскольку без «трансценденции» человеческое существование пусто, и только «трансценденция» наполняет его смыслом.

Наполнение человеческого существования духовными смыслами, которые дают человеку осознание таких моральных ценностей, как любовь, добро, зло, дружба и т. п., способствует осмыслению незавершенности, изменчивости в процессе исторического развития той «истины», которую он познает, а также невозможность воспринимать любое знание как истину «в последней инстанции». «То, что сегодня является белым, завтра, возможно, станет для нас черным»¹¹. Как только мы приступаем к решению этого вопроса, подчеркивает К. Ясперс, мы попадаем в область «философской веры», где действительным может быть лишь наше устремление на поиск истины, но не сама истина, ко-

торая должна стать почвой для ощущения человеком духовного пространства. Те истины, которые создает человек в «наличном бытии», быстро забываются или преобразовываются, ибо «возникнет новая эпоха, которая подвергнет все знание радикальному изменению, которого не знала ни одна предыдущая эпоха»¹². Следовательно, все повседневные истины представляются философу тривиальными, временными, человечеству следует ожидать преобразования всего, что явлено в мире. Поэтому философ приступает к обоснованию понятия «вечной истины» (неизменяемой), которая воссоздается человеком, достигающим своих истоков в трансценденции, «не заботясь об исторической преходящести»¹³. Определение «вечной истины» приобретает новый смысл как духовной составляющей экзистенции человека. В то же время экзистенция, рассматриваемая как способ постижения человека, ведет его к пониманию истины не как чего-то закостенелого и претендующего на исключительность, но как того, что сохраняет свою открытость для ее изменения человеком, уясняющим ее непостижимость.

Вышеуказанное осмысление истины означает, с точки зрения К. Ясперса, расширение понимания «истины», которая в своем завершенном смысле находится для человека лишь в трансцендентальной реальности, до чего-то универсального (то есть «вечной истины»), заключающего в себе постоянную возможность проникать в ее глубины, где ее конкретное «разрешение» на определенном этапе исторического развития покажется нам хотя и необходимым «образом истины», но недостаточным. Эта незавершенность истины, согласно К. Ясперсу, является еще одним моментом, который как бы толкает человека к необходимости сближения с трансценденцией, указывая на бессилие его ума понять в «наличном бытии», в повседневности, истинные смыслы человеческого существования.

Рациональная наука также не может постигнуть истину, так как все время пытается соотносить ее с чем-то явленным, настоящая «истина» необъективируема, как и «экзистенция» и «трансценденция». Истина имеет смысл, как и экзистенция, только в оппозиции «человек – мир», если этого не учитывать, то и истина человеку оказывается не нужной. «Это может произойти только в том случае, если слушать звучащее в глубинах прошлого, в дарении человеку себя посредством внутреннего действия (философствования), когда человек ощущает, что он подарен самому себе трансценденци-

ей»¹⁴. Возможность достижения истины обуславливается концентрацией внимания на трех моментах: 1) исторической традиции, дающей конкретные «образы» истины; 2) осознании наполненности человека трансценденцией; 3) ощущении универсальности «вечной истины» в ее непостижимости. Когда указанные моменты обретут в представлении человека целостность, тогда он исполнится пониманием невыразимости смысла истины и устремится на поиск ее духовного смысла («вечной истины»), что приведет его к ее истоку или трансценденции.

Таким образом, трансценденция приобретает новое качество, она становится источником, осмысляющим постижимость истины только как ее духовных смыслов. Но тогда истина меняет свой облик и смысл, она предстает тем смыслом, к которому стремится «философская вера», выражающая совпадение веры и разума как соотношения экзистенции и трансценденции, предполагающая последнюю как исток, из которого и рождается «вечная истина». В этом смысле, замечает К. Ясперс, Понтий Пилат глубоко заблуждался, когда, задавая вопрос Иисусу Христу «Что есть истина?», полагал, что Христос никогда не сможет ответить на него. Однако лучшим ответом на вопрос Пилата было само учение Христа, призывавшее людей ко всеобщей любви, братству, состраданию и милосердию, всепрощению (вот что является истиной), словом, к всеобщему свободному единению всех людей Земли в истине как в источнике, через который снисходят духовные смыслы. «Существенно, чтобы человек в качестве экзистенции видел в себе дар трансценденции. Тогда человеческое бытие становится ядром всех его возможностей при руководстве им трансценденцией, Единым, благодаря чему он достигает своего собственного единства»¹⁵. Истина, имеющая своим истоком трансценденцию, это то, через что «сказывают» себя духовные смыслы бытия.

Стало быть, опосредующим звеном соотношения экзистенции и трансценденции выступает трансценденция, основанная на «философской вере», – это единственный предмет, по отношению к которому не только совпадают разум и вера, но который должен и может дать ответ пусть не на вопрос о том, какова будет действительно судьба человечества, но на вопрос о том, какие возможности, таящиеся в «трансценденции», для человека открывают «экзистенция» и «вечная истина». Истина – не единственная в мире, их множество, у каждого человека своя.

Но в «философской вере» заключена открытость каждому «образу» ее не только для того, чтобы ее понять, но для того, чтобы признать в ней «вечную истину», рождаемую трансценденцией, как вечный смысл бытия.

Соотношение экзистенции и трансценденции предстает, во-первых, как движение «экзистенции» к «трансценденции», которое К. Ясперс обозначает в качестве акта «трансцендирования», во-вторых, познавательное отношение человека к трансценденции, как и экзистенции, он обозначает понятием «просветление» смысла трансценденции, а не его познанием.

Трансцендировать значит «преодолевать мир». «Трансценденция – это бытие, которое никогда не станет миром, но которое как бы говорит через наличное бытие в мире. Трансценденция есть только тогда, когда она состоит не из себя, а указывает на изменяющийся предметный мир. Трансцендирование – это акт, в котором осуществляется, свершается подлинное бытие человека»¹⁶.

Человек воспринимает мир не как замкнутый, недоступный обозрению, а как идею; мир для него не изолированная реальность, но реальная возможность преодолеть «видимость» и осуществить посредством этого преодоления «трансцендирование». Трансцендирование выступает как реальная трансформация бытия человека, высвобождающегося в своем бытии из-под власти внешних обстоятельств, процесс «преодоления мира», в котором и совершается «подлинное бытие человека», это процесс, в котором мы скорее изменяем самих себя, вследствие чего изменяется наше отношение к себе и к миру, последний мне не надо уже изменять в том практическом смысле, который близок человеку «наличного бытия», так как это произойдет само, как естественное следствие моего собственного изменения.

В то же время «трансцендирование» как процесс «преодоления мира» оборачивается процессом усвоения его смыслов. Последнее, признает философ, представляется возможным только в качестве «просветления» трансценденции, так как в этом акте человечество может «ощутить бесконечность». Особенность «трансценденции» в том, что она непознаваема в обычном смысле, то есть в качестве эмпирической предметности. Ее возможно только лишь «прояснить» в непредметном постижении. То есть только в акте «трансцендирования» происходит выявление взаимосвязи конечного и бесконечного. Прояснение, осуществляемое в акте

«трансцендирования», предполагает преодоление той предметности, которая еще заключена в научном осмыслении мира, которая остается на уровне конечного и переходит в бесконечное, из чего может возникнуть лишь «свет», так как... мы не можем охватить здесь подлинное бытие, но можем быть наполненными им»¹⁷. Если трансцендирование – это мыслительный акт, который ведет нас к трансценденции, определяемой как «вечное само по себе», то он осуществим только при участии «философской веры», понимаемой как совпадение веры и разума, которая «очищает разумом» «свет», схватываемый нами как подлинное бытие, которым мы можем быть наполненными. Так мы, ощутив безграничность «трансценденции», узнаем, что она находится вне научного или предметного познания человека, но даже когда мы преодолеваем это препятствие, то все равно улавливаем ее непостижимость в абсолютном смысле.

Интересно объяснение К. Ясперсом феномена непостижимости трансценденции в работе «Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина» на примере обозначения некоторой потаенности в душе любого человека. «Мы не можем до конца познать тайное в душе. Открывать потаенность мы не в силах: мы только приоткрываем створки двери, только в щелочку может блеснуть «свет» – когда же дверь распаивается, она распаивается в пустоту – в пустоту самоуверенной убежденности в обладании истиной, во тьму, где начинается безумие»¹⁸. Убежденность в абсолютном постижении истины всегда оборачивается безумием, так как предметность (конечное) и беспредметность (трансценденция) как «смыслы» бытия бесконечно более богаты в своей соотносительности и универсальности, что и оправдывает непостижимость до конца «трансценденции».

Более того, мышление человека, как считает К. Ясперс, ограничено своей материализованной структурой – мозгом, и человек не должен забывать этого, когда ему кажется, что он знает все, открыл все тайны мира, тогда он действительно безумен в этой своей самоуверенности. Эти «тайны» настолько велики, как «потаенность», что трудно представить себе, что именно они в себе скрывают, особенно то, что они вообще могут быть открыты. Человек никогда не схватывает сразу все духовные смыслы бытия, если бы это было так, то какой смысл в его существовании? Он их усваивает постепенно,

стремясь наполниться ими, дабы достичь собственной целостности. Человек не самоутверждается и не самоубеждается в чем-либо, он лишь образуется в своем стремлении к целостности.

Таким образом, К. Ясперс осмысливает абсолютную непостижимость «трансценденции» до конца, именно в силу того, что человек стремится достичь своей нравственно-духовной целостности, что само по себе требует от него постоянного движения, созидания, образования самого себя, своей собственной неповторимости, никогда при этом не достигая ее в абсолютно завершенном виде.

Философское учение К. Ясперса о трансценденции, как нам представляется, – это не просто мистифицированное учение об истоках всего человечества или философское обоснование границ мышления и жизни отдельного человека, но скорее учение собственно о единстве всемирно-исторического процесса, всемирного «истока» всего человечества, выражающего нравственно-духовные основания его бытия, процесс, который стремится объединить культуры Запада и Востока, но одновременно не посягает на их своеобразие. Именно трансценденция, включающая в себя все духовные, нравственные смыслы всеобщего созидания, образования человека и человечества, оказывается, следовательно, той «инстанцией», к которой в конечном счете восходят все без исключения величайшие культурные достижения.

Генезис человеческой истории в свете определения «трансценденции» как процесса соотношения, взаимосвязи экзистенции и трансценденции, как духовного истока всех изменений в мире философ представляет как постоянное, непрерывное движение к трансценденции, как процесс «трансцендирования». Он не обозначает исторический процесс как момент появления и развития homo sapiens, так как таковой человек живет рассудком («наличным бытием») и не способен подумать о своем отличии от других людей (причем не родовом отличии, а экзистенциальном). Его жизнь полна утилитарных смыслов, он не ищет единого начала человечества (не возвышается к Единому), не стремится к объединению с другими людьми на более высоком уровне (нежели племя), к объединению народов: он не стремится стать homo sapiens ethicus, что, согласно К. Ясперсу, тождественно обращению к трансценденции как нравственно-духовной целостности¹⁹. В то же время осмысление значимости «философской веры» оборачивается лишь иллюзорной воз-

возможностью единения народов. Мыслитель учитывает ограниченные возможности «философской веры», не способной преодолевать источники взаимонепонимания, нетерпимости и раздора. Но, несмотря на ограничение возможностей «философской веры», только она является необходимым условием движения к возможно-му единению людей, к трансценденции. «Философская вера – это путь к духовности, к трансцендентальной реальности»²⁰, так как она постоянно расширяет горизонты человека, это универсальный способ проникновения в глубины духовных смыслов бытия. Обращение человека к трансценденции, с одной стороны, предстает как нарастание принципа рациональности, понимаемого в классическом смысле как рождение из язычества религии, из мифологии – философии: «это экзистенциальный прорыв культур, объединенных единым истоком – трансценденцией, и осознание человеком бытия в целом и абсолютности трансцендентного»²¹. С другой стороны, осмысление «трансценденции» как общезначимого завета всех поколений истории, как освоение духовно-нравственных смыслов бытия наполняет человечество более «светлым содержанием», в сравнении с которым любая мировая религия является лишь «замутненным» его отражением. Ограниченность религиозного сознания в осмыслении мира как целостности и побуждает человека к осознанию самого себя и бытия в целом посредством «философской веры», схватывающей трансценденцию как запредельную сферу, содержащую не только духовные смыслы бытия, но и объединяющей все человечество в искреннем порыве осмыслить свое единение.

Именно единство всего человечества представляется, с точки зрения К. Ясперса, прорывом к трансценденции как запредельным всемирно-историческим духовным истокам, образующим все человечество и в то же время выступающим в качестве его самодвижущегося содержания. Прорыв к «трансценденции» оборачивается процессом трансцендирования как усвоением, распределением всеобщих смыслов человеческого экзистенциального бытия и в то же время формирует его способности к созидательному началу, реализующему бесконечное в конечном, «наличном бытии». Осознавая смыслы своего существования и сравнивая, соотносясь с «наличным бытием», человек, согласно К. Ясперсу, наивно полагает, что схватывает в мыслительном процессе весь мир, но на самом деле он осмысливает только «исчеза-

ющую видимость», преходящее бытие, которое постоянно изменяется. Однако истоков этих изменений человек не может осознать и, стало быть, не может охватить трансценденцию, постигаемую только с помощью философской рефлексии, которая побуждает человека к отчетливому мышлению. Но философская рефлексия знаменует собой лишь пробуждение духа человека, которое повлечет пробуждение духа всех культур, символизирующих их внутреннюю связь между собой, связь трансцендентную. Осмысление подлинной связи между народами и культурами, подлинной общности людей – а именно духовной общности – достигается только «философской верой». Она рождается перед лицом трансценденции²².

Таким образом, в соотношении экзистенции и трансценденции философ выявляет единые истоки духовной культуры человечества, духовного единения. Единство экзистенции и трансценденции выступает в новом качестве, как процесс «трансцендирования», созидания, образования «целостного человека», в котором физические способности и ценностные ориентации, телесное и духовное, конечное и бесконечное выступают как процесс преодоления повседневности, эмпирического, «экзистенциального уровня наличного бытия» и переход к его всеобщности, целостности, в качестве распределенности определенной «трансценденции».

Трансценденция настолько невыразима, не доступна четким определениям, что ее существование положено в действительности только в зашифрованном виде. Предметность трансценденции «воплощается» ее «шифрами», которые творятся и принимаются в экзистенциальном акте веры, имеется в виду не религиозная, а вера иного рода – «философская вера». Причем мыслитель обращает внимание на отличие философской веры от религиозной. Специфическая особенность религиозной веры, на наш взгляд, состоит в превращении шифров в символы, опредмечивании экзистенции. Философская вера, в отличие от религиозной, всегда остается в границах разума. Важнейшее качество философской веры проявляется в том, что на некоторые вопросы не может быть дан рациональный ответ²³. К. Ясперс подтверждает этот постулат в работе «Философская вера» так: «Если мы говорим о знаках, символах, шифрах, то можно провести различие: знак есть определяемое значение чего-то другого, которое тоже непосредственно доступно; символ есть представление чего-то другого в наглядной полно-

те, в которой обозначаемое и обозначение неразделимо слиты в одно и символизируемое существует только в символе; шифр есть язык трансцендентного, которое доступно только через язык, а не через идентичность вещи и символа в самом символе»²⁴.

Карл Ясперс различает роль знаков, символов и шифров в опредмечивании трансценденции. Знак определяет значение другого непосредственно, и данное непосредственное доступно, символ шифрует обозначаемое таким образом, что оно сливается с обозначаемым и его распредмечивание непосредственным образом недоступно, так как символ скрывает обозначаемое, шифр трансцендентного скрыт в языке. Язык, согласно К. Ясперсу, и есть проводник к расшифровке трансцендентного. «Трансценденция всегда присутствует в мире, но в скрытом виде, потому непосредственно ее наблюдать мы не можем, она есть шифр»²⁵. Не будучи знаками, шифры трансценденции не привязаны четко и жестко к обозначаемому. Они указывают путь к трансценденции каждому, но для каждого этот путь индивидуален и неповторим. Отсюда крайне важный тезис К. Ясперса: «Бесконечная многозначность всех шифров, допускающая бесконечное множество толкований, обнаруживает себя во временном существовании как их сущность. Толкование шифров через другие шифры, наглядно данных – через спекулятивные, действительных – через созданные, бесконечно – как та среда, в которой экзистенция хотела бы нащупать свою трансценденцию. Система шифров невозможна, так как в нее они входили бы только в их конечности, а не как носители трансценденции. Бесконечная возможность толкования исключает систему возможных шифров. Система может сама быть шифром, но никогда не может осмысленно охватывать, как проект, подлинные шифры»²⁶.

Но процесс шифровки трансценденции несет с собой утрату смысла человеческого существования, так как допущено существование бытия, трансцендентного мысли. Выявление специфики соотношения экзистенции и трансценденции, как нам представляется, может быть рассмотрено через осмысление шифров трансценденции. Постановка этой проблемы помогает К. Ясперсу осмыслить мир как совокупность шифров. Трансценденция хотя и непознаваема, но к ней как к иному отсылает мирское сущее. Иное трансценденции – предметность, весь окружающий нас предметный мир,

все то, что существует само по себе и порождается человеком, есть «шифр» трансценденции. Вся человеческая культура и история, природа, миф, поэзия, философия – это лишь шифры трансценденции, через которые она «сказывает» себя. Иными словами, мы встречаем у К. Ясперса глубокую, хотя и своеобразную концепцию творчества и культуры, в которой находят богатый отклик мотивы мистицизма²⁷.

Мир наполнен шифрами трансценденции. Распредмечивание и опредмечивание шифров трансценденции позволяет осмыслить человеческий мир как мир творчества, культуры, религии, философии, художественной традиции и т. д. Творчество, как опредмечивающая составляющая в мире трансценденции, есть не только поиск вдохновения, но и его результат. Вдохновение же возникает в момент «встречи» с трансценденцией. Стало быть, творческий процесс мыслитель представляет в виде особого пути к трансценденции и обратно. На первом направлении этого пути творец культуры стремится отрешиться от суеты мирских впечатлений и всецело сконцентрироваться на активном ожидании вдохновения, достичь настроенности на встречу с трансценденцией. Это, так сказать, муки творчества первого рода. Как только встреча с трансценденцией произошла – на какой-то миг, в виде вспышки, в виде озарения, – начинаются муки творчества второго рода: попытки выразить, передать, сообщить открывшееся в откровении. На втором, обратном направлении этого пути творец культуры движется, таким образом, «от трансценденции к современному, здесь и сейчас существующему реципиенту культуры, к тому, кто воспримет, поймет, оценит»²⁸.

Мучительность попытки выразить открывшееся в откровении объясняется тем, что встреча с трансценденцией как источником вдохновения глубоко интимна и индивидуальна, поскольку с трансценденцией встречается экзистенция – уникально-неповторимое, свободное, творческое существование человека, ищущего ответа на свои глубоко индивидуальные, выстраданные вопросы. Откровение, стало быть, оказывается ответом на такое уникально-индивидуальное вопрошание, и ответ этот тоже уникально-индивидуален.

Перед человеком-творцом (или экзистенцией) возникает очень трудная и не всегда разрешимая задача. Как сообщить открывшееся в откровении своему Другому и как это осуществить на понятном другим языке?²⁹ Последнее

оказывается возможным только посредством языка, опредмечивающего трансценденцию, а это означает созидание «собственных» трансцендентальных шифров. Распредмеченное таким образом и предназначенное только для творца только ему одному и понятно. Как же можно выразить столь интимное на индивидуальном, понятном другим языке? К. Ясперс считает, что непосредственная передача Другому открывшегося мне в откровении невозможна, так как если истина, открывшаяся мне экзистенциальным способом, – это моя истина, то истина другой экзистенции не столько противоположна моей, сколько она просто другая. Она ищет, как и моя экзистенция, единственную правду, но пользуется другими горизонтами знаний. В моих же силах (как экзистенции) остается провести Другого по пути к трансценденции – примерно так, как проводил своих учеников Сократ. «Его майевтика была искусством вести, оставляя человека свободным. Он незаметно направлял Другого на тот путь, который вел к откровению. Но это тем не менее был индивидуально-интимный путь Другого! Он, Другой, сам приходил к встрече с трансценденцией и получал от нее свой, только ему предназначенный ответ. Затем он опять-таки пытался поделиться своим откровением с другими, проведя их по пути к трансценденции, и так далее – вот путь, которым развивалась культура человечества»³⁰.

К. Ясперс, на наш взгляд, стремится, с одной стороны, осмыслить чрезвычайно важную проблему не только освоения каждой индивидуально неповторимой личностью созданного человечеством предметного мира, но и выявить формы и способы сотворенности этого мира индивидуально-неповторимой деятельностью всех людей. А с другой стороны, мыслителя более всего интересует, каким образом индивидуально-неповторимое творчество отдельных людей сливается в единый поток творений в рамках взаимосвязи экзистенции и трансценденции и обращенности этого творчества к «Другому» (человеку), каким образом откровение одного находит отражение (выражение) в откровении – творчестве «Другого». Карл Ясперс, на наш взгляд, осмысливая понятие трансценденции, ставит более важную задачу – раскрыть понятие культуры как всего того, что создано человечеством. Деяние героя в истории, созданный жрецом миф, сотворенное художником произведение искусства, философское учение, развитое мыслителем – все это лишь по-

пытки указать другим путь, ведущий к трансценденции, к откровению как встрече с трансценденцией. Стало быть, культура в целом и в ее отдельных проявлениях осмысливается К. Ясперсом как шифры трансценденции. Причем любой шифр трансценденции (к примеру, произведение искусства, пьесы, статуи, живописные полотна и т. д.) может быть истолкован бесконечно многообразно, без всяких ограничений. Это совершенно необходимое условие для абсолютной свободы экзистенции, утверждающей, с одной стороны, свою неповторимость и уникальность, а с другой стороны – бесконечное многообразие осмыслений и истолкований всего совокупного предметного воплощения культуры как бесконечно открывающегося экзистенциального бытия человечества, делающего это бытие живым, деятельным, значимым. Взаимосвязанность и взаимообусловленность экзистенциального и трансцендентного бытия на самом деле оказывается возможным через процесс бесконечного трансцендирования опредмеченно-распредмеченной смысловой трансляции всеобщих духовных ценностей, созданных совокупным человечеством.

В таком случае самобытное и неповторимое «Я» экзистирующего человека проявляется именно в его неограниченной свободе «прочитать» других и толковать их. Мое видение А.С. Пушкина, мое прочтение Г.В.Ф. Гегеля – «мое» здесь самое главное слово, подчеркивает мыслитель. «Главное – это возникновение индивидуального сознания (рефлексии), становление личности, личностного отношения к трансценденции. Человек наделяет трансцендентальным статусом все, что можно уловить, расшифровать, но не обнаружить эмпирически»³¹. У смыслов нет непосредственного эмпирического бытия, трансценденция, можно сказать, свободно парит в пространстве культуры. Она не скована никакой традицией толкования, не обязана рассматривать произведение культуры в рамках той традиции, в которой оно было создано – западной ли, восточной ли. Соответственно и экзистенция, занятая таким свободным толкованием, не определена никакой определенной культурной традицией, в том числе национальной³². Иными словами, толкование культуры как шифров трансценденции означает требование рассматривать все культурные достижения всех народов как достояние каждого творчески ищущего себя (экзистирующего) человека. Однако такой вывод, на наш взгляд, получен ценой множества мистических

допущений, посредством которых мыслитель пытается воссоздать картину творческого процесса. Осмысление глубинного смысла экзистенции, с точки зрения К. Ясперса, потребовало сначала от человека обращения к мировой культуре, к результатам творчества гениев мировой культуры (искусство, живопись, скульптура, литература, философия и т. д.), которые предстают в виде шифров, опредмечивающих творчески-неповторимые результаты их деятельности. При этом в начале этого процесса считается, что «Я» уже приняло постулат К. Ясперса о трансцендентальных шифрах и не собирается от него отступить: на сугубо индивидуальные, мои собственные вопросы я должен найти только свои собственные, сугубо индивидуальные ответы. Преодоление экзистенциального уровня «наличного бытия», осуществляемое в акте трансцендирования, означает, что «Я» творца выходит за пределы своей личной сферы, экзистенции, то есть выходит к трансценденции.

Все произведения искусства – это только средоточие задач, так как все творчество вышло из трансценденции, в них звучит речь, которую мы слышим, если понимаем, чего хотим действительно. Все попытки осмыслить трансценденцию есть различные способы расшифровки «тайнственных писем», которые всегда остаются до конца не разгаданными «шифрами», но необходимым условием для прорыва к трансценденции человека³³. Выход за пределы, определяемые личностно-неповторимым экзистенциальным способом бытия, предстает, согласно К. Ясперсу, как особый процесс, означающий «прорыв» к трансценденции, позволяющий освоить подлинные смыслы человеческого бытия. Этот особый процесс движения «экзистенции» к «трансценденции» предстает как особого рода намеки, шифры, неявные указания, в результате которых «Я» начинает движение к трансценденции по собственному пути. В качестве определенного заключительного акта на пути к трансценденции «Я» достигается, во-первых, творческая концентрация – активное ожидание вдохновения, озарения, откровения трансценденции, во-вторых, осуществляется встреча экзистенции с трансценденцией, в ходе которой «Я» получает ответы на экзистенциальные вопросы, в-третьих, «Я» может, наконец, выразить постигнутое в поступке, в художественном произведении, в философском учении и т. п., словом – в собственном акте творчества, чтобы дать другим такой

же намек на путь к трансценденции, который мне дали мои предшественники³⁴.

«Вся наша жизнь полна символов, в которых мы ощущаем присутствие трансценденции и соприкасаемся с ней как подлинной действительностью. Момент пробуждения для каждого наступил, когда в один прекрасный день мы открыли, что является действительным языком мироздания (трансценденции); мы узнали египетские иероглифы, сначала восприняли их, не понимая, затем эстетически расшифровали, как «тайнопись трансценденции»³⁵. Не вызывает сомнения то, что К. Ясперс считает этот путь для себя пройденным, этому свидетельство его собственное учение, следуя которому, мыслитель выводит неоспоримые, как он считает, тому доказательства.

Шифры трансценденции могут быть истолкованы, по К. Ясперсу, не только достаточно произвольно, но и бесконечно разнообразно. А как определить, что твоя свободно выбранная версия толкования шифра трансценденции действительно выводит именно к ней? Ведь назначение шифра – вывести экзистенцию к трансценденции, и этому назначению, очевидно, будет отвечать далеко не всякое истолкование. Эту проблему К. Ясперс пытается решить, направляя мысль в обратный путь – от трансценденции к экзистенции, который предстает расшифровыванием шифров трансценденции.

Все шифры трансценденции, безусловно, имеют смысл. В конечном счете этот смысл они обретают от трансценденции. Мы можем как угодно разнообразно толковать этот смысл, ибо абсолютно свободны в своих толкованиях. Но решающим на этом пути остается единственный и непререкаемый авторитет – авторитет трансценденции.

Карл Ясперс не просто рассматривает предметность мира как состоящую из различных шифров, он требует также непременно их разгадывания, что составляет важнейшую задачу для человека. Ведь шифры не имеют смысла, если не будет хотя бы малейшего намека на возможность их разгадки. Когда же мы прикасаемся к тайне содержания шифра, то понимаем, что сам шифр трансформируется, принимает другую форму. Мы начинаем сосредотачиваться на языке разгадки шифра, и в определенный момент перед нами открывается нечто совершенно иное, становится ясно, что нет необходимости дальше искать – «тайна лежит на поверхности». «Шифры никогда не есть то, что мы ищем в них, или чувствуем в

них, или познаем в них»³⁶. Шифр оказывается путем, который ведет нас к трансценденции. «Мы находим свою глубину там, где кончается язык шифров и где происходит соприкосновение с исполненным «молчанием». «Немота» – это высь, где происходит прикосновение к трансценденции»³⁷. Если мифология, религия и другие значимые области общественного сознания предстают как шифры, то необходимо столь же общезначимый язык для их чтения. Таким языком для К. Яспера оказывается искусство, так как язык искусства доступен и для неграмотных, глухих или слепых людей, потому что искусство может потрясать как наглядностью, так и звучанием, формой, образностью. Искусство включает в себя многообразие видов: архитектура, музыка, пластика, танец, поэзия, изобразительное искусство и т. д., и любой человек имеет возможность выбрать что-то для себя из огромного количе-

ства вариантов. И все это языки чтения шифров. К. Ясперс формирует концепцию философии искусства, которая предстает последним звучным аккордом для завершенности начатых рассуждений о соотношении экзистенции и трансценденции.

Рассмотрение проблемы соотношения экзистенции и трансценденции, трансценденции и ее шифров позволило К. Ясперсу осмыслить проблему единства мировой культуры человечества, выявление всеобщих и универсальных оснований самого человека как главной ценности бытия. Обращение к трансценденции как к той основе, в которой человек находит смыслы собственного существования, означало возвышение статуса мировой культуры, выражающей высшие сферы духовного и статуса самого человека, опредмечивающего и распредмечивающего ценностные смыслы и духовные истоки человечества.

Список использованной литературы:

1. См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 462.
2. Грицанов А.А. Ясперс Карл // Всемирная энциклопедия. Философия. М., 2001. С. 1298.
3. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 289.
4. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 465.
5. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Яспера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 15.
6. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 464.
7. Горюнов В.П. «Неподлинное бытие» в истолковании Карла Яспера // Социальная теория и современность. М., 1991. С. 92.
8. См.: Перцев А.В. Учение Яспера К. о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург, 1999. С. 156.
9. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 455.
10. См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 471.
11. Там же, с. 471.
12. Там же, с. 472.
13. Там же, с. 472.
14. Там же, с. 475.
15. Там же, с. 475.
16. Там же, с. 477.
17. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 478.
18. Ясперс К. Стринберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенберга и Гельдерлина. Спб., 1999. С. 214.
19. См.: Семушкин А.В. «Осевое время» в философской культуре Востока и Запада. М., 1997. С. 3.
20. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 479.
21. Бессонов Б.Н. Актуальность философских воззрений Карла Яспера // Социальная теория и современность. М., 1993. С. 23.
22. См.: Гайденок П.П. Человек и история в свете «философских коммуникаций» Карла Яспера // Человек и его бытие как проблема современной философии. М., 1978. С. 120.
23. См.: Бессонов Б.Н. Актуальность философских воззрений Карла Яспера // Социальная теория и современность. М., 1993. С. 11.
24. Jaspers K. Der philosophische Glaube. München. 1981. S. 150.
25. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 439.
26. Jaspers K. Der philosophische Glaube. München. 1981. S. 157.
27. См.: Перцев А.В. Учение К. Яспера о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург, 1999. С. 157.
28. Там же, с. 157.
29. См.: там же, с. 158.
30. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 452.
31. Там же, с. 457.
32. См.: Перцев А.В. Учение К. Яспера о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург, 1999. с. 159.
33. См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 487.
34. См.: Перцев А.В. Учение К. Яспера о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург, 1999. С.160.
35. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 491.
36. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. 1971. S. 141.
37. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. 1971. S. 142.